Р. Ф. ТУРОВСКИЙ

КОНФИГУРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В РОССИИ: ПОЛУЧАЕТ ЛИ ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕ?

В России немного исследований, посвященных политическому результату выборов в региональные легислатуры, т. е. итоговому распределению в них власти. Как показывают исследования, это распределение сильно отличается от предвыборной партийной конфигурации, что объясняется консолидацией акторов, прошедших в парламент, формированием правящих коалиций, объединением мелких партийных и квазипартийных групп, снижением уровня оппозиционности в депутатском корпусе.

Характеристикой российского политического режима, сформировавшегося в постсоветский период, являются компромиссные политические стратегии и тактики, смысл которых состоит в согласовании интересов между политическими акторами с целью минимизации оппозиционности, нейтрализации попыток создать сильную системную оппозицию, исключения возможного влияния несистемной оппозиции. Для региональной власти одним из ключевых, в т. ч. в ее отношениях с центром, является императив политической стабильности, которая понимается как недопущение публичной конкуренции и консервация политического статус-кво, включая его персональный уровень. В легислатуре в соответствии с компромиссной стратегией «Единая Россия», даже располагая абсолютным большинством голосов, может использовать тактику пакетного соглашения, предоставляя другим фракциям определенные статусные должности. Исследование распределения постов в региональных легислатурах свидетельствует о весьма большом количестве пакетных соглашений и множестве правящих коалиций, структура которых в регионах имеет совершенно разный характер.

Конфигурация региональных партийных систем в таком их аспекте, как состав правящей коалиции в легислатуре и состав парламентской оппозиции серьезно отличается от региона к региону, будучи зависима от местного политического контекста, т. е. от структуры от-

ношений между губернатором и «Единой Россией» с одной стороны, и прочими партийными организациями и их лидерами — с другой (в т. ч. от губернаторского выбора между управляемой многопартийностью и ставкой на «Единую Россию»). Различаются и пределы оппозиционности партий — от участия в правящей коалиции на региональном уровне до несистемной оппозиции. Критерием оценки реального соотношения «власть — оппозиция» в региональных легислатурах стало и голосование по утверждению кандидата в губернаторы, которое свидетельствует о поддержке губернатора не только «Единой Россией», но и другими партиями.

Однако по мере движения в сторону партийной системы с доминантной партией «Единая Россия» чаще делает выбор в пользу «жесткой» тактики «победитель получает все», концентрируя в своих руках все властные позиции в легислатуре и поляризуя ее по линии «власть — оппозиция». Интерес представляют причины выбора между тактиками пакетного соглашения и «победитель получает все». География данного выбора зависит от степени доминирования «партии власти», средне- и краткосрочной региональной политической динамики и аффилированности региональных отделений других партий с властной элитой. Доминирование «Единой России» в региональных партийных системах, являясь, безусловно, важнейшей тенденцией их развития, остается ограниченным не столько различной структурой избирательских предпочтений, сколько стратегиями и тактиками федеральной власти, губернаторов, партийных лидеров «Единой России» и других партий.

Прежде чем перейти к анализу отношений «Единой России» с другими партиями на примере региональных легислатур, определимся с концептуальными основаниями консолидации региональных политических режимов, что позволит изучать разные способы и степени этой консолидации. Разрабатываемая автором данной статьи методика исследования региональных политических режимов предполагает рассмотрение четырех осей и позиционирования конкретных регионов на каждой из них (см. также: [Туровский, 2009а; Turovsky, 2009]). Это — оси «автономия — зависимость», «демократия — авторитаризм», «моноцентризм — полицентризм» и «консолидация — конкуренция». Главное значение имеет последняя ось. В ее случае предметом исследования является реальный процесс принятия политических решений, который может быть лишь отчасти связан с полномочиями и официальными решениями органов власти. Таким образом, здесь мы рассматриваем структуру релевантных политических акторов и принимаемых ими решений, как формальных (видимых), так и неформальных (невидимых). При таком подходе в центре нашего внимания оказываются группы влияния, обладающие

позициями в разных ветвях и уровнях власти. В условиях российской элитократии структурирование власти в регионах происходит в первую очередь по линиям расколов между элитными группами и только во вторую очередь между такими политическими институтами, как ветви и уровни власти или же партии.

В условиях доминирования неформальных практик, большой роли неинституциализированных или слабо институциализированных межакторных взаимодействий следует еще внимательнее присмотреться к структурной дифференциации власти в регионах, которая, как показывают многие исследования, имеет несколько иной характер в сравнении с институциональным дизайном [Лапина, Чирикова, 2002]. В либеральных демократиях структура политических акторов будет в большей степени связана с партийной системой, но, конечно, с обязательным учетом внутрипартийной идеологической и персоналистской фракционности. В авторитарных системах фокус анализа неизбежно смещен в сторону элитных групп, а партии видятся как их производные.

Причем, стремясь выяснить реальную дифференциацию власти, недостаточным будет использовать плюралистическую трактовку власти, как принятия публичных решений, восходящую к Р. Далю [Даль, 2000]. Скорее следует опираться на неоэлитистскую трактовку власти, которая учитывает неформальное согласование решений и понимает власть как формирование повестки дня (agenda setting — англ., см.: [Bachrach, Baratz, 1962; Hay, 2002]).

В условиях российской политики, где элиты являются доминирующими политическими акторами, контролируя и подчиняя властные институты и общество, подход «от элит» и «от элитных правил игры» открывает большие возможности для исследования региональных политических режимов и выявления различий. В частности, этот подход позволяет ставить типичный и, кстати, вовсе непростой вопрос о числе доминирующих политических акторов, о том, равно ли оно единице или все-таки больше. Это — один из сложных и спорных вопросов российского политического анализа: следует ли сводить режим к одному «большому» актору с его возможными «филиалами», субгруппами, ответвлениями (отсюда признание моноцентризма политического режима в России, см.: [Зудин, 2003]), или же межакторные связи и взаимозависимости не столь сильны, и власть распределена между двумя и более группами[1]. Иными словами, что

[1] В связи с этим следует согласиться с тезисом В. Гельмана о «навязанном консенсусе» [Гельман, 2004]. Отметим от себя, что консенсус российских элит имеет тактический и прагматический характер, не отменяя их разнородность и дифференцированность. Это особенно заметно в регионах, постсо-

важнее — консолидация или же дифференциация властвующей элиты, объясняемая ее внутренней групповой конкуренцией. Думается, что это соотношение изменчиво во времени и пространстве, что влечет за собой разнообразие региональных политических режимов. Да и на федеральном уровне этот вопрос стал одним из ключевых после передачи президентской власти от В. Путина к Д. Медведеву в 2008 г. и создания режима так называемой тандемократии, с двумя руководителями государства, сопоставимыми по своему влиянию.

В условиях бюрократического авторитарного государства [Чилкот, 2001] элитная конкуренция становится важнейшим дифференцирующим фактором, отличающим одни регионы от других. В российском случае формирование и дифференциация элитных групп происходит по трем взаимосвязанным причинам:

1) пересечение интересов власти и бизнеса;

2) пересечение экономических компетенций государственной власти и местного самоуправления;

3) персональная борьба за статусы в процессе формирования новой элиты (так называемые личные амбиции).

В своей работе о региональных партийных системах мы отмечали, что для российских условий типична коалиционность групп влияния, «спрятанная» под оболочкой моноцентризма и доминантной партии [Туровский, 2006]. На глубинном уровне это объясняется тенденциями политико-исторического развития России в XX в. и после распада СССР — разрушением традиционных социальных институтов, которые в историческом прошлом способствовали объединению (община, семья, клан), деградацией идеологий, индивидуализмом и эгоизмом политических акторов, что влечет за собой стремление к «власти ради власти», ее удержанию любой ценой. С другой стороны, постсоветский политический процесс, который так и не стал процессом «классического» демократического транзита, превратился в процесс формирования обновленного правящего класса, общим корпоративным интересом которого является внутренняя консолидация для самосохранения.

Равнодействующей двух указанных тенденций — дифференциации и интеграции — становится развитие внутренне неоднородных, доминирующих или стремящихся к доминированию акторов, структура и состав которых могут претерпевать частые изменения. При таком подходе основными структурными единицами регионального политического режима будут не столько формальные акторы, ассоциируемые с властными органами и партиями, сколько группы влияния с их различным представительством в различных властных институтах[1].

ветские элиты которых сложились в разных исторических обстоятельствах и социальных структурах, но все они вынуждены подчиняться центру при решении ключевых вопросов и координировать свои действия в интересах самосохранения.

Методология структурного анализа региональных акторных пространств еще нуждается в разработке, и здесь мы предлагаем ее предварительный вариант. Весьма сложной задачей является определение самой структуры правящего класса, его деления на группы (коллективных акторов). Эта структура в типичных для России прикладных исследованиях носит авторский характер, зависит от точки зрения эксперта (в таком виде она обычно представлена в статьях экспертов в СМИ и разнообразных аналитических докладах исследовательских центров и рабочих групп, как открытых, так и закрытых). Поэтому нужно стремиться к возможно более четкой параметризации подобного структурирования.

Мы предлагаем три метода выявления и различения региональных политических акторов в условиях авторитарного режима, отличающегося ограниченной консолидацией элиты.

Во-первых, критерием для различения акторов может быть оценка их самодостаточности, которая понимается как наличие собственной ресурсной базы (статусные властные позиции, клиентела, состоящая из значимых персоналий, контакты в бизнесе, СМИ и пр.)[2]. Как правило, это означает наличие у коллективного актора своей идентичности и персонализации, т. е. лидера, олицетворяющего группу. Консолидация обеспечивается за счет тесных клиентских взаимосвязей, обмена ресурсами. Ресурсная база актора, в соответствии с нашей классификацией, включает властный (желательно разветвленный, включающий разные ветви и уровни власти), финансово-экономический и коммуникационный (информационный) ресурсы, а также все-таки немаловажный ресурс влияния в обществе с целью его политической (в т. ч. электоральной) мобилизации.

Во-вторых, консолидирующим фактором служит общность интересов, с чем связана важная и не такая простая, как иногда кажется, задача по идентификации объединяющих интересов, которые могут

[1] Обычным упрощением является персонификация коллективных элитных акторов, которые ассоциируются с определенными политическими лидерами, начиная с того же губернатора. Учитывая персонализированный, квазимонархический и иерархический характер политических отношений в России, это оправданно, хотя из этого правила возможны исключения, да и степень реального влияния лидера в своей группе может быть очень разной.

[2] В России метод выявления политических акторов и их соотнесения с набором и объемом располагаемых ими ресурсов известен как ресурсно-акторный подход, используемый в прикладных исследованиях аналитических центров.

иметь различную природу и характер (борьба за властные статусы, экономические ресурсы, реализацию культурных требований и др.) и нередко носят скрытый, а в отдельных случаях — противозаконный, коррупционный или криминальный характер. В то же время именно общность интересов определяет устойчивость групп влияния[1]. Практика показывает, что даже монолитные группы, существование которых признано большинством экспертов, могут «неожиданно» распадаться в случае ее исчезновения.

В российских условиях значимыми политическими акторами, как правило, являются бюрократические и финансово-промышленные группы [Turovsky, 2008]. Отсюда два наиболее распространенных объединяющих интереса:

1) удержание и расширение группового властного ресурса;

2) удержание и расширение группового финансово-экономического ресурса (посредством получения власти).

Но поскольку влияние социальных и культурных групп никогда нельзя недооценивать, такие позиции, как представительство и реализация социального интереса, представительство и реализация культурных интересов тоже являются значимыми. Нередко их стремятся выразить те же бюрократические группы, пытающиеся укрепить свою легитимность. Прежде всего это относится к выборным лицам и их непосредственным клиентелам.

В-третьих, выявление политических акторов нуждается в организации постоянных наблюдений за региональным политическим процессом. Пока такие наблюдения в России носят эпизодический характер или же не имеют глубоко разработанной политологической методики. На наш взгляд, главной единицей информации, которая нужна и полезна исследователю, служит публичное политическое действие (решение). Ядрами групп влияния при таком подходе являются публичные инициаторы и предполагаемые интересанты этих действий и решений. Поддержка политических действий (решений), в т. ч. в таких ее формах, как голосование, а также конкуренция на

[1] Проблематика групп влияния тесно связана с важной для России темой клиентелизма, поскольку внутри этих групп обычно складываются патронажно-клиентельные отношения (см.: [Афанасьев, 1994; Бирюков, 2009]). Интересны основы клиентелистской консолидации групп влияния, которые могут быть рациональными (конъюнктурное или долгосрочное совпадение политических или экономических интересов, политическая и/или финансовая зависимость клиентов от своих патронов) или эмоциональными (отношения доверия и общие стереотипы поведения, основанные на дружбе, родственных связях, принадлежности к одному землячеству, этносу, религии и т. п.).

выборах должностных лиц и определяют основу структурной дифференциации власти.

Причем, определяя структуру властных отношений, мы можем идти по пути индукции или дедукции. Метод дедукции выявляет «генетические» группы. Он исходит из анализа биографий и других личных данных и соответственно биографической принадлежности индивидуальных акторов к «очевидным» группам влияния, таким, как региональное правительство (его бывшие и нынешние сотрудники), финансово-промышленные группы (собственники, менеджеры), партии. Однако этот метод, являясь полезным для определения ситуации в «первом приближении», не позволяет установить всю реальную картину (хотя биографический анализ остается наиболее распространенным методом исследования политических акторов в России в силу доступности и относительной публичности необходимой для него информации и недоступности других видов информации).

Индукция дает возможность для постепенного моделирования картины межакторных взаимодействий на основе анализа властных решений, их обсуждения и связанных с ними голосований и соответственно определения выигравших, проигравших и нейтральных акторов. Такой анализ определяет «активные» группы, отличные от «генетических». Он нередко нарушает стереотипные представления о группах и «кланах», основанные на презумпции их устойчивости, определенной a priori биографическими связями, расхожими представлениями о личной «дружбе» и «вражде» (хотя он не отрицает важности выявления отношений между индивидуальными акторами, основанных на генетических связях, вытекающих из биографического анализа, и экспертных оценках, базирующихся на знании непубличного взаимодействия включенными наблюдателями). О структурировании политических отношений свидетельствуют также электоральная конкуренция, процессы выдвижения кандидатов и их участия в выборах, представляющие собой «момент истины» для «закрытой» региональной элиты.

Однако описанный выше подход опирается только на трактовку власти как публичной процедуры. Этого явно недостаточно, тем более в закрытой политической системе. Поэтому, понимая власть как формирование повестки дня, следует учесть невидимый, непубличный и неформальный процесс структурирования власти. Конечно, в теории это сделать гораздо легче, чем на практике, и потому данное направление не может давать надежные результаты и, скорее, оказывается более или менее удачным дополнением к исследованию дифференциации власти на основе публичных решений. Дедукция при анализе «невидимой» власти позволяет «подозревать» неформальное согласование решений на основе знания об априорных интересах

определенных акторов и о публичных решениях, которые учитывают эти интересы. Индукция нуждается в инсайдерской информации о переговорных процессах или хотя бы в экспертных оценках, основанных на включенных наблюдениях. В сущности усложнение подхода к власти не всегда оправданно, поскольку публичные решения, при всех оговорках, все-таки определяют «видимую» структуру политических акторов, и этого зачастую может быть достаточно для анализа.

Наряду с выявлением политических акторов целесообразно оценить их значимость, политический вес. Значимость региональных политических акторов поддается шкалированию, т. е. существуют акторы разного уровня (порядка). При определении значимости следует учитывать две составляющие — территориальный уровень принятия решений (региональный или местный), представительство на соответствующем уровне и регулярность влияния на принятие его решений (постоянное, ограниченное, отсутствие влияния). Отсюда как минимум четыре уровня политических акторов.

- Акторы первого порядка (постоянное влияние на региональном и местном уровне).
- Акторы второго порядка (ограниченное влияние на региональном уровне и постоянное влияние на местном уровне).
- Акторы третьего порядка (отсутствие влияния на региональном уровне — при наличии представительства и ограниченное влияние на местном уровне).
- Акторы четвертого порядка (полное отсутствие представительства и влияния на региональном уровне, наличие ограниченного влияния на местном уровне)[1].

Рассмотрим подробнее структурную иерархию политических акторов в российских регионах, определяя типичные черты и различия.

Несомненно, актором первого порядка является губернаторская группа влияния и обычно — только она. На этом же уровне можно рассматривать акторов, приближающихся по степени своего влияния к губернаторам и их клиентелам. Критерием для их выделения является, в соответствии с предложенным нами подходом, регулярное влияние на процесс принятия политических решений регионального уровня:

1) принятие решений, противоречащих интересам губернатора;

2) способность повлиять на решение губернатора и/или обеспечить компромисс между своими и губернаторскими интересами;

3) успешное продвижение собственных решений, с которыми считается или вынужден считаться губернатор.

[1] Возможно выделение акторов пятого порядка, вообще не представленных в органах власти.

В нынешних условиях в редких случаях на этот уровень могут выходить группы влияния, связанные с ФПГ федерального уровня, федеральными властными структурами (полпреды, силовики и т. п.), крупными политиками федерального уровня, имеющими региональные корни. Одним из немногочисленных примеров служит Саратовская область, где большим влиянием пользуется выходец из этого региона, секретарь Генерального совета «Единой России» В. Володин, имеющий в регионе своих сторонников и играющий активную роль в его внутренней политике. Наличие двух и более акторов первого порядка в российском регионе является критерием низкой консолидации элиты.

Акторы второго порядка оказывают ограниченное влияние на принятие решений регионального уровня и/или постоянное влияние на принятие решений местного уровня (обычно — в крупных муниципальных образованиях). На практике не во всех российских регионах, учитывая очень высокое влияние губернаторов на принятие решений регионального уровня, существуют акторы второго порядка. Наиболее важные примеры связаны с регионами, где актором второго порядка выступает мэр крупного города или ФПГ, располагающая рядом политических позиций.

По российским меркам средний уровень консолидации регионального политического режима означает наличие одного актора второго порядка. Если акторов второго порядка два и более, то консолидация режима — ниже средней (пример Дагестана, где к числу акторов второго порядка можно отнести некоторых глав муниципальных образований, депутатов Госдумы, членов Совета Федерации, отдельные религиозные группы).

Анализ акторов первого и второго порядка важен для того, чтобы установить степень консолидации региональной элиты и проводить на этой основе классификации. Идеально типическая высокая консолидация характеризуется наличием только одного актора первого порядка и отсутствием акторов второго порядка. В случае идеально типической высокой конкуренции акторов первого порядка будет как минимум два, не говоря уже о двух и более акторах второго порядка. Поэтому на практике наиболее важным дифференцирующим фактором оказывается наличие и число акторов второго порядка.

Акторами третьего порядка могут считаться группы, представленные во власти, но не способные повлиять на принятие решений регионального уровня. Это прежде всего мелкие фракции в региональных легислатурах (по закону в ней должны быть как минимум две партии), группы влияния из небольших муниципальных образований, региональные бизнес-группы. Такие акторы есть в российских регионах повсеместно. Например, благодаря смешанной избирательной

системе, почти во всех регионах КПРФ имеет свои небольшие фракции в легислатурах, которые, однако, слишком малы, чтобы влиять на принятие решений. В аналогичной ситуации находятся фракции «Справедливой России» и ЛДПР, если они стремятся к автономии, а не представляют собой сателлитов «Единой России». В большинстве регионов, где проводятся выборы мэров, можно найти некоторое количество мэров небольших городов и районов, не входящих в группу влияния губернатора. Число акторов третьего порядка является дополнительным критерием при оценке консолидации элиты и обычно составляет не менее 3–4 даже в условиях консолидированных региональных режимов.

Что касается партийного измерения, то в существующей партийной системе оно является зависимым. «Единая Россия», доминируя в легислатурах и губернаторском корпусе, является зонтичной организацией, и обязательно следует рассматривать ее внутреннюю структуру, отражающую в той или иной степени структуру ключевых политических акторов [Туровский, 2006]. Другие партии являются максимум акторами третьего порядка, будь они автономными игроками или сателлитами «Единой России». Тем не менее структура и сложность региональных партийных систем может служить важной характеристикой и индикатором региональной консолидации.

До сих пор мы рассматривали структурные характеристики политических акторов. Для полноты картины необходимо также учитывать методы и технологии властвования, то, каким образом выстраиваются отношения между акторами[1]. Для решения этой задачи следует разобраться в структуре правящей группы (имеет она однородный или коалиционный характер), в отношениях власти и оппозиции в политическом контексте данной территории.

Важным индикатором технологий властвования в региональных политических режимах является институциональный выбор между мажоритарным и консенсусным правлением в легислатуре. Причем консенсусное правление[2] может быть не только вынужденным (если

[1] В. Гельман определил четыре сценария выхода из неопределенности в условиях общественной трансформации — «война всех против всех», «борьба по правилам», «сообщество элит» и «победитель получает все» [Гельман, Рыженков, Бри, 2000, с. 43–44]. В российской политической науке эти сценарии нередко рассматривают и как сценарии взаимодействия элитных акторов.

[2] В данной работе проведен анализ распределения постов спикеров, вице-спикеров, глав комитетов и комиссий в региональных легислатурах, действовавших на начало осени 2009 г. (до выборов 11 октября 2009 г., когда были сформированы новые легислатуры в Москве, Марий Эл и Тульской области). Консенсусным считается правление, предполагающее, что часть

«Единая Россия» не располагает половиной мест, что отмечается в данное время только в Санкт-Петербурге), но и добровольным, что и представляет главный интерес. Добровольное консенсусное правление в легислатуре — показатель стремления «Единой России» нейтрализовать оппозицию или ее часть, уйдя от жесткой поляризации в легислатуре по линии «власть — оппозиция» и обеспечив таким способом более высокую стабильность и бесконфликтность[1]. Российская практика показывает, что «Единая Россия», а в еще большей степени — стоящие за ней губернаторы, структуры исполнительной власти стремятся контролировать всю партийную систему, а не только «свою» партию. Несмотря на формирование партийной системы с доминантной партией и почти всеобщее вступление губернаторов в «Единую Россию» стратегии и тактики управляемой многопартийности продолжают использоваться властями. Напомним, что они были распространены в 1990-е гг., когда губернаторы дистанцировались от партий и в большинстве своем были беспартийными.

Что касается партийной оппозиции, то она делает свой выбор между «реальной» оппозиционностью и встраиванием во власть. В условиях отсутствия гарантий оппозиционной деятельности и незначительных возможностей повлиять на принятие властных решений значительная часть партийной оппозиции превращается или всегда готова превратиться в периферийный элемент правящей элиты, что, кстати, очень выгодно последней, поскольку повышает ее легитимность. Этому процессу способствует налаживание патронажно-клиентельных отношений на межличностном уровне между партийными лидерами и руководством властных структур, теми же губернаторами или их заместителями, вплоть до распространенной практики внедрения лояльных губернаторам людей в руководство партий. Отсюда появление в политологических работах определений оппозиции как «вымирающего вида» [Гельман, 2004]. Тем временем характер и пределы оппозиционности начинают сильно отличаться для одних и тех же партий в сравнительной региональной перспективе, что мы и увидим в дальнейшем.

Заметим, что консенсусная модель используется в Госдуме, где «Единая Россия» имеет две трети мест, но все остальные три партии

указанных статусных позиций достается не «Единой России», т. е. фактически формируется правящая коалиция, в которой прочие партии играют роль младших партнеров «Единой России».

[1] В то же время многопартийность в органах региональной исполнительной власти является крайне редким явлением и объясняется не формированием партийной коалиции, а межличностными договоренностями; впрочем, эта тема требует отдельного исследования.

располагают постом вице-спикера и хотя бы одного главы комитета. С этой точки зрения региональный уровень является более авторитарным, поскольку в регионах все чаще проявляется тенденция к мажоритарному правлению (по состоянию на начало осени 2009 г., по нашим подсчетам, таких регионов было 35)[1]. Тем не менее консенсусное правление при участии «Единой России» и других партий характеризовало 42 субъекта федерации, т. е. немногим более половины[2]. Еще в четырех регионах руководящие посты в легислатурах, наряду с «единороссами», занимают беспартийные (во всех случаях — по одному на регион). Эти четыре региона гораздо ближе к мажоритарной модели правления, недели к консенсусной.

Интересно, что на первом месте по числу регионов, где партия находится в подобных партнерских отношениях с «Единой Россией», оказалась ведущая оппозиционная партия — КПРФ (27 регионов из 79, где эта партия представлена, или 34 %), что свидетельствует о готовности сторон к прагматическим компромиссам и умеренности партийной поляризации в большой группе регионов. К коммунистам вплотную приблизилась «Справедливая Россия» (22 случая из 57, или 39 %). На третьем месте находится ЛДПР (17 случаев из 52, или 33 %), в последние годы обычно проявляющая лояльность в отношении «Единой России» (это показывает и практика работы Государственной думы)[3]. Конфигурации конкретных региональных коалиций бывают очень разными[4].

---

[1] Автор выражает благодарность студентам факультета политологии МГУ Д. Кислицыной и М. Леандровой за помощь при сборе материала по составу руководящих органов региональных легислатур.

[2] При этом только в Санкт-Петербурге действует «вынужденное» консенсусное правление, поскольку «Единая Россия» не располагает численным большинством. В остальных случаях решение «Единой России» о партнерстве с другими партиями не связано с необходимостью создать парламентское большинство.

По двум регионам — Чечне и Ненецкому АО — автору пока не удалось получить необходимую информацию.

[3] Прочие партии, а именно «Яблоко», «Правое дело» и «Патриоты России», участвуют в управлении легислатурами только в единичных случаях.

[4] Аналоги консенсусного правления можно прослеживать и в региональных правительствах, но делать это сложнее, поскольку региональные правительства имеют непартийный характер (члены других партий, помимо «Единой России», могут включаться в региональные правительства на индивидуальной основе, но, как показывают наши наблюдения, в последние годы и этого почти не происходит; разве что в рамках «управляемого» создания региональных организаций «Справедливой России» членство и посты в этой партии могут приобретать региональные чиновники). Изучая структуру по-

Технологии консенсусного правления важны для нашего исследования тем, что они усиливают консолидацию элиты. Хотя надо заметить, что они не являются широко распространенными. Это можно объяснить слабостью акторов третьего порядка, таких, как партии (помимо «Единой России»), в связи с чем правящие группы не считают важным включать их в сферу своего влияния, используя альтернативную тактику маргинализации (эти возможности расширяются осознанием того факта, что прочие партии обычно представлены в региональных законодательных собраниях считанными депутатами). Выбор, осуществляемый доминирующими элитными группами, между инкорпорацией других групп во власть и их маргинализацией (либо подавлением) также стал одной из важных характеристик развития российских региональных элитократий. Последствия этого выбора тоже бывают разными, поскольку одни оттесненные от власти группы действительно теряют остатки влияния и даже прекращают свое существование, а другие, наоборот, могут превратиться в альтернативный центр влияния («Справедливая Россия») или «неприятной» для властей массовой протестной мобилизации (КПРФ).

Режим мажоритарного правления «Единой России» в региональной легислатуре сложился до выборов 11 октября 2009 г. в 35 субъектах федерации из 81, по которым проводилось исследование. Таким образом, пока режим ограниченно консенсусного правления является численно преобладающим[1]. Но динамика изменений направлена в сторону увеличения числа случаев мажоритарного правления. Нередко после очередных выборов консенсусный режим сменяется на мажоритарный. Однако консенсусные формулы, выработанные во многих субъектах федерации, оказываются устойчивыми. Они могут пересматриваться на уровне вовлечения во власть отдельных партий

литических акторов в регионах в ходе полевых исследований и проведения экспертных интервью (отчасти и на основе простого биографического анализа), часто можно обнаружить стремление губернаторов включить в состав правительства выходцев из различных клиентел, что придает правительству фактически коалиционный характер и позволяет губернатору выступать в роли консолидатора элиты (а это в свою очередь является одной из его важнейших неформальных функций в политической системе, о чем в частности свидетельствует наш анализ практики назначения и увольнения губернаторов, см.: [Туровский, 2009б]).

[1] К этой группе можно добавить еще четыре региона, в которых единороссы делят власть с беспартийными, фактически являющимися их сторонниками. Это — Северная Осетия, Оренбургская область, Еврейская АО и Чукотский АО (в последнем случае беспартийным является спикер Р. Абрамович). В дальнейшем они рассматриваются в одной группе с регионами, характеризуемыми чисто мажоритарным правлением.

или персоналий, но не отменяться, как не отменены они на федеральном уровне в Госдуме[1]. Поэтому, учитывая медленную общую динамику изменений в сторону мажоритарного правления, на данном этапе правильнее говорить о сложившемся расслоении российских регионов на разные группы, выделяемые по данному признаку.

Следует оговориться, что мы почти повсеместно связываем управленческую структуру легислатур с губернаторскими режимами, исходя из того факта, что большинство региональных политических режимов тяготеет к моноцентризму и персонализму, которые олицетворяет губернатор. Это значит, что формирование партийной системы, избирательный процесс, формирование руководящих органов легислатуры проходят или под прямым контролем губернатора, или при его активном вмешательстве. Исключения, связанные с более самостоятельной деятельностью «Единой России» и/или законодательной власти, будем рассматривать отдельно.

Анализ причин институционального выбора в пользу мажоритарного правления позволяет выявить ряд закономерностей. Прежде всего частота использования этого способа хорошо коррелирует с устойчивостью персоналистских региональных политических режимов, сложившихся еще в 1990-е гг. и нередко имеющих советские корни. В таких случаях консолидация элиты обычно является максимально возможной, и группа влияния регионального лидера доминирует полностью в сложившейся властной элите региона, включая законодательную власть. В эту группу регионов часто попадают республики, которые среди субъектов Российской Федерации отличаются наибольшей устойчивостью своих персоналистских режимов. Примерами служат Татарстан, Башкирия и Мордовия, которые относятся к числу регионов с ярко выраженными авторитарными чертами политических режимов и в значительной степени — с советской генетикой властвующих элит. Возникшие чуть позже, но также ставшие весьма устойчивыми персоналистские режимы в Калмыкии, Чувашии и Удмуртии попадают в ту же группу. Примерами являются почти все области и автономные округа, в которых глава региона не менялся с 1991 г., а именно Омская и Ростовская области, Ханты-Мансийский АО и Хабаровский край, Еврейская АО[2]. В этот список

[1] В частности, в Москве после выборов 11 октября 2009 г., по итогам которых «Единая Россия» увеличила свое доминирование в легислатуре, тем не менее было принято решение отдать пост одного из двух вице-спикеров КПРФ, второй партии, прошедшей в городскую Думу. В предыдущем созыве в структурах управления городской думой КПРФ тоже была представлена.

[2] В последнем случае с оговоркой, поскольку губернатор Хабаровского края сменился в 2009 г., но для нашего исследования важен момент избрания регионального законодательного собрания и формирования его руководства, что происходило при прежнем губернаторе В. Ишаеве.

следует добавить еще ряд субъектов федерации, главы которых непрерывно управляют ими с 1990-х гг., — Карелию, Свердловскую, Челябинскую, Липецкую и Пензенскую области (особый случай Волгоградской области, губернатор которой пришел к власти в 1996 г. при поддержке КПРФ, рассмотрим ниже).

Таким образом, примерно в половине регионов с мажоритарным режимом правления «Единой России» в региональной легислатуре выборы и формирование руководящих органов легислатуры проходили в условиях персоналистских, более или менее авторитарных режимов, сформировавшихся в 1990-е гг. Во многих, но не во всех случаях эти режимы уходят корнями в советскую однопартийную систему (либо новые политические лидеры, пришедшие к власти в результате выборов на демократической волне, постепенно принялись создавать свою модель однопартийного авторитаризма и консолидированного персоналистского режима, как например, в Калмыкии и Чувашии).

Яркой особенностью таких «старых» режимов является сохранение традиционной для 1990-х гг. поляризации по линии «власть — левая оппозиция». Встраивание этих режимов в новую политическую систему ельцинского периода в условиях высокого уровня протестных настроений, характерного для 1990-х гг., законсервировало данное противостояние. В конечном итоге оно способствовало дальнейшей консолидации элиты в рамках одной партии при невозможности ее сотрудничества с довольно сильной и открыто оппозиционной КПРФ. Как результат, при достаточно высокой популярности коммунистов вплоть до настоящего времени и при фактическом отсутствии прочих партий, режим характеризуется концентрацией власти в руках «Единой России» и пытается вытеснить КПРФ на периферию, использовать против нее жесткие технологии. Примерами служат такие регионы, как Чувашия, Омская и Ростовская области.

При всей типичности мажоритарного правления для «старых» персоналистских режимов они, конечно, не исчерпывают все имеющиеся случаи, что было бы просто невозможным, учитывая значительную ротацию губернаторского корпуса в 2000-е гг. (кроме того, ряд «старых» режимов остается исключением, воспроизводя в той или иной мере надпартийные режимы 1990-х, о чем речь пойдет ниже). Поэтому особый интерес привлекает политическая динамика 2000-х гг., связанная с приходом к власти новых губернаторов, их попытками поставить под контроль законодательную власть и создать сильные организации «Единой России».

В условиях укрепления властной вертикали многие губернаторы должны были демонстрировать центру свою силу и влияние, понимаемые как степень концентрации власти в одних руках. В этих

условиях мажоритарное правление и полное доминирование «Единой России» в партийной системе стали выполнять две функции. Первая — это консолидация сложившейся элиты под более или менее жестким контролем губернатора. Вторая — демонстрация центру успехов в укреплении новых персоналистских режимов в регионах как доказательство устойчивости губернаторских позиций. В сущности эти же функции были и остались значимыми и для «старых» режимов, сформировавшихся на фоне децентрализации 1990-х гг., но теперь заинтересованных во встраивании в путинскую властную вертикаль, чтобы не лишиться своих лидеров. Для «новых» режимов интересно то, какие из них и в какой мере реализовали эти функции.

Примечательно, что после перехода к назначению губернаторов новые региональные лидеры — путинские назначенцы — стали демонстрировать возросший интерес к жестким управленческим практикам, стремясь максимально соответствовать правилам игры, вводимым на федеральном уровне и не имея склонности к гибкому управлению малознакомой им публичной сферой. Многопартийность оказалась для них чуждым, ненужным и «непонятным» явлением, тогда как ставка на одну «Единую Россию» соответствовала их менеджерским практикам. В качестве примеров можно привести такие регионы, как Нижегородская, Новгородская, Сахалинская, Тюменская, Ярославская области, Алтайский и Камчатский края, Бурятия, Северная Осетия[1]. Во всех этих случаях решения о мажоритарном правлении «Единой России» принимались при самом заинтересованном участии губернатора-назначенца.

Однако нельзя сказать, что все губернаторы, пришедшие к власти в результате назначения, полностью ориентированы на данную практику. Им зачастую мешают ограничения, связанные с невысоким стартовым уровнем контроля над элитами и электоратом. Поэтому правильнее говорить о наличии у них интенций, проявившихся в ряде указанных случаев, но не раскрывшихся в другой большой группе регионов, о которой речь пойдет в соответствующей части.

[1] С оговорками сюда можно отнести и Смоленскую область, где выборы легислатуры проходили при «слабом» выборном губернаторе В. Маслове, который был вынужден по итогам этих выборов перейти на работу в Совет Федерации. Соответственно новая легислатура начала функционировать при следующем губернаторе С. Антуфьеве, который был назначен В. Путиным и, кстати, возглавлял региональную организацию «Единой России». Отметим, что все названные региональные лидеры, кроме В. Маслова, пришли к власти в результате назначения и не имели опыта самостоятельного участия в конкурентных выборах регионального или федерального уровня.

Кроме того, период централизации начал оказывать свое влияние на консолидаторские усилия губернаторов уже в начале 2000-х гг. Приходившие к власти на первом путинском сроке выборные губернаторы тоже в значительной степени относились к разряду жестких менеджеров, склонных к мажоритарному правлению. Примерами являются Краснодарский край, Калужская и Ульяновская области, регионы, в которых после выборов быстро сложились персоналистские режимы, не проявляющие склонности к поддержке многопартийности и сделавшие очевидную ставку на «Единую Россию» в процессе ее формирования.

Укрепление федерального центра стало также серьезным вызовом для «красных» и «розовых» губернаторов, которым нужно было адаптироваться к новым условиям, демонстрируя готовность играть по новым правилам, причем нередко — бóльшую в сравнении с «обычными» региональными руководителями. Символично, что в Курской области как только губернатор А. Михайлов перешел из КПРФ в «Единую Россию», в областной думе было создано всевластие последней. В Волгоградской области губернатор Н. Максюта приостановил членство в КПРФ и при этом фактически согласился, чтобы «Единая Россия» заняла все властные должности в областной думе. Сменили тактику многоопытные губернаторы-единороссы, которые в свое время пришли к власти при активной поддержке КПРФ и долгое время сохраняли с партией хорошие отношения, как О. Королев в Липецкой области, П. Сумин в Челябинской, А. Чернышев в Оренбургской. В условиях централизации большинство «красных» и «розовых» губернаторов, всех, кто занял этот пост в результате выборов и при помощи левой оппозиции, сделали прагматический выбор в пользу «Единой России». Причем, как будто пытаясь освободиться от прошлых «грехов», они пошли еще дальше, поддерживая мажоритарное правление «Единой России» в легислатурах и не желая делиться властью с бывшими союзниками в лице коммунистов.

Рассматривая группы факторов политической динамики, влияющие на институциональный выбор между мажоритарным и консенсусным правлением в легислатуре, следует также обратить внимание на еще один сценарий — попытки «слабых» региональных лидеров сделать ставку на первый вариант при наличии множества предпосылок для второго. Оговоримся, что «слабыми» мы будем считать губернаторов, которые отличаются достаточно низким личным рейтингом (о чем можно судить по их выступлениям на выборах или по отсутствию опыта участия в выборах) или же пришли к власти в результате назначения, не имея корней в регионе и не располагая статусом федерального «тяжеловеса» (уровня министра, заместителя министра и т. п.). Иными словами, речь идет о попытках искусственно создать

и закрепить ситуацию губернаторского доминирования, вырастить ее «в пробирке», пользуясь общими институциональными условиями, связанными с высоким «априорным» влиянием любого российского губернатора в любой региональной политической системе. Из числа выборных губернаторов начала 2000-х гг. по этому пути пошли С. Дарькин в Приморском крае и Н. Шаклеин в Кировской области, М. Зязиков в Ингушетии[1]. К ним присоединился новый тверской губернатор Д. Зеленин, выходец из московских бизнес-кругов. Что касается путинских назначенцев, то наиболее интересными примерами в этой группе регионов служат Алтайский и Камчатский края.

Однако важно отметить, что в ситуации со «слабым» губернатором не он один определяет институциональный выбор в пользу мажоритарного правления «Единой России». Поэтому наряду с влиянием «губернаторского фактора» следует рассматривать фактор «партийной олигархии» и ее коллективного действия. «Партия власти» по мере своего формирования под влиянием не только губернаторов, но и общих правил игры, заданных федеральным центром, включала в свой состав множество разнообразных групп региональной элиты, объединенных корпоративными и карьерными интересами. Если этот процесс привел к включению большинства значимых групп влияния в «Единую Россию», то, приобретая олигархический характер, региональная организация этой партии сама стремится к вытеснению прочих партий и собственному доминированию, а ключевой задачей становятся не межпартийные, а внутрипартийные договоренности о разделе власти. В том же Алтайском крае, Волгоградской, Кировской, Курской, Смоленской, Тверской областях, в Приморье и на Камчатке решение по поводу доминирования «Единой России» принималось не только губернаторами, но и местной партийной «олигархией», стремящейся закрепить свои властные позиции.

Поэтому в наименее консолидированных региональных режимах доминирование «Единой России» тоже возможно, но для этого требуется высокое влияние со стороны других центров силы, фактически заменяющих и подменяющих собой власть губернатора. Это проявилось в Саратовской области, где контроль над «Единой Россией» стремится осуществлять секретарь Генерального совета партии В. Володин, одна из ключевых фигур в федеральном партийном руководстве. Таким образом, если регион находится под кураторством

[1] Любопытно, что после выборов ингушского парламента, где, как считается, списки всех «проходных» партий были сформированы при активном участии исполнительной власти, статусные позиции получила только «Единая Россия», а ее сателлиты остались ни с чем, просто отыграв свою роль во время предвыборной кампании.

той или иной крупной фигуры в федеральном руководстве «Единой России», имеющей там корни и интересы, шансы на выбор в пользу мажоритарного правления становятся высокими.

Итак, выбор между мажоритарным и консенсусным правлением сильно зависит от эволюции региональных политических режимов. С одной стороны, выделяется группа «старых» персоналистских режимов ельцинской поры, в рамках которых давно осуществленная консолидация элит превратилась в фактическую однопартийность, сочетающаяся с целенаправленными попытками нейтрализовать и маргинализовать все прочие группы, включая, в частности, довольно популярную и «опасную» КПРФ. В этих условиях формирование «Единой России» в 2000-е гг. прекрасно вписалось в эволюционно сложившуюся политическую ситуацию и одновременно совпало с конъюнктурной потребностью «старых» режимов в проявлении лояльности новому центру. С другой стороны, отмечается ускоренный процесс консолидации «новых» политических режимов, лидеры которых пришли к власти при В. Путине через выборы или позднее в результате назначения. Возросшая зависимость регионов от центра способствовала принятию решений о передаче всей власти в легислатурах «Единой России», чтобы продемонстрировать центру свои успехи и одновременно консолидировать элиты в рамках одной партии. Данную тактику, используя свои властные преимущества, использовали даже «слабые» губернаторы, а также к ней стали прибегать бывшие «красные» региональные лидеры.

До сих пор мы рассматривали факторы институционального выбора, связанные со структурой и динамикой региональной элиты. Теперь проанализируем, каким образом данный выбор соотносится с умонастроениями избирателей, уровнем партийной конкуренции и результирующей структурой депутатского корпуса. В целом «Единая Россия» имеет возможности для единоличного формирования руководящих органов в легислатурах почти повсеместно, за исключением Санкт-Петербурга. Однако использование этих возможностей является весьма умеренным: «Единая Россия» и обычно стоящий за ней губернатор стремятся не только властвовать, но и контролировать партийную систему, формируя коалиции с другими партиями и превращая их в младших партнеров. Но прежде рассмотрим электоральную ситуацию в регионах, где этого не происходит.

Если рассматривать результаты «Единой России» на выборах в региональные легислатуры при голосовании по партийным спискам, то можно заметить, что выбор в пользу мажоритарного правления более характерен для регионов, где рейтинг «Единой России» выше и соответственно прочие партии гораздо слабее. Из 40 регионов, где «Единая Россия» получила более 50 % голосов избирателей, в 24 действует

режим мажоритарного правления, еще в трех — мажоритарного правления с привлечением беспартийных. В регионах с менее высоким электоральным рейтингом «Единой России» ситуация обратная: из 41 региона в 11 «Единая Россия» сделала выбор в пользу мажоритарного правления (и еще в одном привлекла беспартийных)[1]. В целом такое распределение выглядит логичным. Но, учитывая повсеместное доминирование «Единой России» в легислатурах, вне зависимости от электорального рейтинга[2], и решающее влияние факторов, связанных с особенностями консолидации региональной элиты и ее динамики, не вызывают удивления многочисленные исключения.

Отдельного внимания, впрочем, заслуживают те случаи, когда «Единая Россия» берет себе всю власть в легислатуре, располагая низким рейтингом. Крайним примером служит Кировская область, в которой «Единая Россия» получила на выборах законодательного собрания только 28,5 % голосов. От 30 до 40 % голосов эта партия набрала в Тверской и Курской областях, а также в Карелии, что не помешало ей установить полное доминирование в легислатуре. Очевидно, что такие условия институционального выбора трудно признать справедливыми в системе отношений «власть — общество», когда большинство избирателей проголосовали за другие партии, оказавшиеся, однако, полностью оттесненными от власти.

Теперь проанализируем случаи ограниченно консенсусного правления, которые остаются более распространенными в российских региональных легислатурах. Конечно, говоря о консенсусном правлении, никогда не следует забывать о его ограниченности, понимая, что авторитарные практики являются повсеместными. При нынешнем управлении избирательными процессами неугодные партии снимаются с выборов или не могут преодолеть заградительный барьер. Реальный вес тех должностей, которые получают партии в легислатуре, также очень разный и обычно невелик для всех, кроме «Единой России» (обычно другие партии получают формально-статусные посты вице-спикеров и должности руководителей второстепенных комитетов, в очень редких случаях речь идет более чем об одной должности). Но сам факт формирования коалиции очень важен и является дифференцирующим.

[1] Всего регионов, где «Единая Россия» получила более 50 % на последних региональных выборах, — 41, менее 50 % — 42 (с учетом Чечни и Ненецкого АО, по которым мы не располагаем информацией о распределении постов в легислатуре).

[2] В случае низкого рейтинга оно обеспечивается за счет побед кандидатов «Единой России» в одномандатных округах.

Состав правящих коалиций сильно различается. В нем могут быть задействованы все политические партии из числа парламентских партий федерального уровня, а в некоторых единичных случаях участвуют и партии, не представленные в Госдуме. При этом в ряде случаев в распределении властных должностей первого уровня участвуют все партии и фракции, но чаще принимается решение об исключении некоторых из них. В связи с этим интересны обстоятельства и факторы выбора «партии власти» в пользу сотрудничества с одними партиями и отказа от сотрудничества с другими.

В 21 регионе правящая в легислатуре коалиция является двухпартийной. Из них в девяти регионах партнером «Единой России» становится «Справедливая Россия», в восьми — КПРФ и только в четырех — ЛДПР.

Интересны примеры регионов, где «Единая Россия» поделилась частью власти с коммунистами, т. е. где право-левый консенсусный бипартизм заменяет жесткую поляризацию, отмеченную в некоторых регионах, о которых говорилось выше (вроде Чувашии и т. п.). В эту группу входят единичные «старые» региональные режимы, отличающиеся тем, что их лидеры пришли к власти при поддержке КПРФ и состояли в этой партии. Как уже говорилось, большинство «красных» губернаторов предпочло в условиях централизации и зависимости от центра дистанцироваться от своих бывших союзников, но так сделали не все. Обратным примером была и осталась Владимирская область, где сильный и опытный губернатор Н. Виноградов, бывший член КПРФ, вплоть до настоящего времени вовлекает коммунистов во власть. Правда, влияние КПРФ постепенно снижается, и по итогам последних выборов она лишилась последнего поста спикера регионального законодательного собрания, которым она располагала именно во Владимирской области (прежний спикер перешел на пост вице-спикера, уступив место единороссу). Тем не менее владимирский губернатор стремится не допустить перехода КПРФ в оппозицию регионального уровня, и КПРФ продолжает играть роль второй «партии власти» в этом регионе[1].

Право-левый бипартизм отличает некоторые республики Северного Кавказа, где в условиях глубоких социально-политических размежеваний лучше осознаются потребности в консенсусном правлении. Причем подключение КПРФ к управлению легислатурой характери-

[1] Отчасти эта ситуация отличает и Курганскую область, губернатор которой О. Богомолов тоже пришел к власти в результате выборов 1996 г. и тоже при поддержке левых. Но властные позиции КПРФ в этом регионе гораздо слабее, чем во Владимирской области; эта партия не смогла даже создать свою фракцию в областной думе, но ей выделили пост вице-спикера.

зует как раз те республики, которые в 1990-е гг. отличались самой высокой поддержкой КПРФ по стране (Адыгея, Карачаево-Черкесия, а также Дагестан, о котором речь пойдет ниже[1]). Стремление властей частично нейтрализовать КПРФ за счет втягивания партии в процесс принятия властных решений проявилось также в Якутии, Московской, Самарской и Тамбовской областях. Это стремление является, с одной стороны, реакцией властей на достаточно высокий рейтинг и организационную силу коммунистов в регионе, а с другой — показателем готовности сторон к тактическому сотрудничеству. Последнее зависит в большой мере от особенностей межличностных отношений между руководством региона и региональной организации КПРФ, которые зависят также от идеологических доминант сложившегося регионального режима, от отношения властей к коммунистам.

Отсутствие «Справедливой России» в правящей коалиции определяется при таком формате межпартийных отношений или ее слабостью в данном регионе, или оппозиционностью, наличием в ее составе лидеров, выступающих против существующей региональной власти, представляющих для нее опасность. Интересно, что «Единая Россия» предпочла КПРФ «Справедливой России» в Адыгее и Якутии, где «Справедливая Россия» имеет хорошие позиции, но дистанцирована от власти, включает в свой состав местных оппозиционеров. Лояльная КПРФ, таким образом, в отдельных, редких случаях может быть использована властями в качестве определенного противовеса менее лояльным «эсерам». В целом ни в одном из указанных регионов «Справедливая Россия» по тем или иным причинам не заинтересовала «Единую Россию» в качестве партнера (кроме Курганской области, где она вовсе не представлена в областной думе). «Неинтересной» властям показалась и ЛДПР, представленная в легислатурах Владимирской, Курганской, Самарской и Тамбовской областей.

Однако формирование региональной сети «Справедливой России», проходившее по стране в последние годы, все-таки быстро вывело эту партию на первое место по числу случаев сотрудничества с «Единой Россией» — в сравнении с КПРФ, отношения которой с региональными властями отличаются очень сильно от региона к региону в зависимости от их многолетней динамики, берущей начало в 1990-х гг. Как правило, включение «Справедливой России» в правящую коалицию является индикатором партийной инженерии, при которой федеральная тенденция в виде создания второй «партии власти» была с готовностью подхвачена региональными властями, реа-

[1] Но за исключением Северной Осетии, где сформировался фактически однопартийный режим, а КПРФ не смогла найти нишу ни во власти, ни в оппозиции.

лизовавшими ее в полной мере, т. е. создавшими вторую колонну той же самой «партии власти». Очевидно, что в таких случаях подобная партия имеет право претендовать на свою долю власти.

В большинстве случаев альянс «Единой России» и подконтрольной властям «Справедливой России» является имитацией консенсуса, или же «мягкой» формой мажоритарного правления, направленного на ослабление популярной КПРФ. «Справедливая Россия» с ее социалистическими лозунгами призвана понизить рейтинг КПРФ и стать при этом лояльным партнером крупнейшей партии. Подобная практика была реализована в таких бывших регионах электорального «красного пояса», как Орловская (при Е. Строеве) и Белгородская области[1]. Ту же технологию использовали и власти Марий Эл во главе с Л. Маркеловым. Важен случай Кемеровской области, где губернатор А. Тулеев долгое время опирался на КПРФ, но в результате конфликта с ней стал использовать методы жесткого давления на коммунистов. В результате КПРФ вообще не прошла в областную легислатуру, а единственным депутатом, не входящим в «Единую Россию», стал представитель «Справедливой России», лояльный губернатору и получивший статусную позицию.

Кроме того, вовлечение лояльной «Справедливой России» во власть с одновременной маргинализацией прочих партий оказалось характерным для Тульской области, Пермского края, Магаданской области, Ямало-Ненецкого АО. В этих регионах альянс двух «партий власти» обычно был направлен против КПРФ, а также и ЛДПР, имеющей достаточную популярность в северных регионах (что показали выборы в Магаданской области и Пермском крае, а также скандал со снятием ЛДПР с выборов на Ямале). В Пермском крае данный альянс также ставил целью ослабление СПС, добившегося хороших результатов на выборах (формирование данного альянса соответствовало интересам партийных «олигархий», учитывая, что губернатор О. Чиркунов в «Единой России» не состоит и лишь частично контролирует партию). При этом «Справедливая Россия» на том же Ямале создавалась как явный и притом совершенно несамостоятельный «клон» основной партии. Только в Тульской области можно говорить о собственных сильных позициях «Справедливой России», с которыми посчиталась «Единая Россия», вовлекая «эсеров» в коалицию и не

[1] Как видим, тактика многоопытных Е. Строева и Е. Савченко отличалась от тактики тамбовского губернатора О. Бетина, который пришел к власти на выборах, опередив прежнего «красного» губернатора, но при этом предпочел договариваться с коммунистами «по-хорошему», а сильная организация «Справедливой России» в Тамбовской области создана не была.

допуская к власти КПРФ (тем более, что раньше КПРФ являлась в этом регионе правящей партией).

Особым случаем является Тува, где «Российская партия жизни» выиграла выборы в парламент, но в результате внутриэлитных конфликтов не смогла установить контроль над законодательной властью, который оказался поделен между двумя «партиями власти» (а отдельные политики «мигрировали» между ними в зависимости от конъюнктуры).

В целом же, заметим, что альянс «Единой России» и «Справедливой России» характерен для достаточно устойчивых персоналистских режимов с «сильными» губернаторами, т. е. режимов, которые аналогичны рассмотренным выше в связи со случаями мажоритарного правления. Лидеры этих режимов прибегают к разным тактикам доминирования, инклюзивным в отношении «Справедливой России», или же не предполагающим ее развитие (тогда правление оказывается мажоритарным). Выбор между этими тактиками зависит от восприятия этими лидерами управленческих сигналов из центра (поскольку ясной установки на повсеместное развитие организаций «Справедливой России» центр не давал) и наличия зависимых от губернатора элитных групп, способных создать ядро для новой партии. Более гибкая игра в две «партии власти», однако, оказалась куда менее распространенной, чем простая игра в одну «партию власти».

Интересны редкие случаи альянса «Единой России» и ЛДПР, формирование которого отражает тенденцию 2000-х гг. к превращению ЛДПР в зависимую от властей партию, которая за громкими лозунгами скрывает фактическую лояльность и готовность договариваться. Как правило, решение о создании альянса именно и только с ЛДПР принимается при попытке ослабить КПРФ и в отсутствие сильной или лояльной организации «Справедливой России». Такое решение вызрело, например, в таком регионе «красного пояса», как Брянская область, при губернаторе Н. Денине, который сам плотно интегрирован в структуры «Единой России», но не обладает достаточным влиянием и рейтингом в регионе, чтобы обойтись без союзников. Напомним, что КПРФ ранее была правящей партией в этом регионе. Похожая ситуация возникла в Амурской области, другом периферийном регионе с развитыми прокоммунистическими настроениями и опытом нахождения у власти «красного» губернатора. И здесь новая власть в лице назначенного В. Путиным губернатора-«варяга» Н. Колесова попыталась потеснить КПРФ, привлекая в качестве союзника популярную в регионе ЛДПР.

Использование ЛДПР в качестве фактической второй «партии власти» оказалось ситуативно возможным во время последней избирательной кампании в Иркутской области, когда ЛДПР перешла

под контроль лояльных властям фигур. При тогдашнем губернаторе И. Есиповском, новом человеке для региона, прекратилась практика вовлечения во власть КПРФ и не была апробирована практика сотрудничества со «Справедливой Россией», которая в этом регионе была слишком подвержена внутренним конфликтам и расколам.

Особым случаем является Псковская область, где ЛДПР одно время даже была правящей партией. И хотя губернатор Е. Михайлов, бывший членом ЛДПР, вышел из нее еще во время своего правления, а с тех пор поменялись еще два губернатора, особая статусность ЛДПР по инерции и в силу наличия в ее рядах заметных фигур в Псковской области сохраняется. Поэтому по итогам выборов, которые проходили при прежнем «слабом» губернаторе М. Кузнецове (в начале политической карьеры также связанном с ЛДПР) и в условиях крайне неконсолидированного режима, было принято решение образовать альянс «Единой России» и ЛДПР в легислатуре. Одновременно участники альянса стремились потеснить сразу две достаточно сильные партийные организации, способные претендовать на властные позиции и немалое число голосов избирателей, — КПРФ и «Справедливую Россию». Очевидна ограниченность подобного консенсусного правления, поскольку оно оставляет за своими рамками сразу две сильные партии.

Теперь перейдем к более ярко выраженным моделям консенсусного правления, которые включают три, четыре и даже пять партий / фракций и во многих случаях основаны на принципах «полного» консенсуса, являются инклюзивными в отношении абсолютно всех партийно-фракционных групп, представленных в легислатуре. Эти модели развиваются в условиях «мягкого» управления в регионах, которые обычно отличаются низкой устойчивостью власти и невысоким губернаторским рейтингом, сочетаясь с довольно большим влиянием и популярностью различных партий. Свою роль играет также наличие у некоторых губернаторов давних отношений с КПРФ.

Среди трехпартийных конфигураций по шесть случаев связаны с двумя наиболее логичными альянсами, когда «Единая Россия» и КПРФ в коалиции дополняются либо «Справедливой Россией», либо ЛДПР. Первый из указанных альянсов складывается в результате слабого влияния, низкого фактического статуса организации ЛДПР в региональной элите. Примерами служат Республика Алтай, Республика Коми, Архангельская, Рязанская области. Особо отметим Воронежскую область, где ЛДПР представлена минимально и вряд ли могла на что-то претендовать (всего один депутат, фракции нет).

Но самым интересным примером в данной группе служит Астраханская область. ЛДПР там не представлена в легислатуре, поэтому сказанное выше к Астраханской области не относится. Зато регион

является одним из самых ярких примеров полного консенсуса, поскольку все пять фракций и депутатских групп располагают своими статусными позициями (кроме «Единой России», КПРФ и «Справедливой России», это группы «Астрахань» и «Астраханский регион»).

Другой формат трехпартийной коалиции используется в тех слабо консолидированных региональных режимах, в которых «Справедливая Россия» или не смогла создать дееспособные организации (а таких ситуаций в России пока еще очень много), или, напротив, воспринимается как потенциально сильный, а потому нежелательный элемент в региональной партийной системе. В силу действия первой из указанных двух тенденций «Справедливая Россия» осталась без властных позиций в легислатурах Хакасии, Забайкальского края и Ивановской области. В Мурманской области, наоборот, начиналось формирование довольно сильной организации, что привело к хорошему результату на выборах, в связи с чем партия стала восприниматься в качестве потенциальной системной оппозиции «Единой России». Поэтому, как и в Псковской области, о которой говорилось выше, «единороссы» приняли решение эту партию от власти оттеснить, сделав ставку на сотрудничество с ЛДПР, а также — в случае Мурманской области — еще и с КПРФ[1]. Позитивным для ЛДПР фактором при вовлечении в правящие коалиции стали ее популярность в данных регионах в сочетании с системностью ее региональных лидеров[2].

Также данная модель трехпартийной коалиции используется в тех регионах, где «Справедливая Россия» просто не представлена в легислатурах. В таких случаях в легислатуре оказываются три фракции, и все они получают определенные посты. Подобный консенсус отличает в настоящее время Калининградскую и Новосибирскую области.

Редким, но все же возможным является вариант «антикоммунистического» альянса трех партий — «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР. Его использование отражает явное стремление властей вытеснить коммунистов, притом достаточно сильных, на периферию при одновременном стремлении объединить все прочие

[1] Бывший мурманский губернатор Ю. Евдокимов, при котором происходили выборы и распределение постов в легислатуре, пришел к власти в 1996 г. при поддержке местной оппозиции, включая КПРФ. В дальнейшем его отношения с КПРФ стали гораздо более дистанцированными, но КПРФ все же не перешла в жесткую оппозицию к губернатору. Например, член КПРФ П. Сажинов долгое время оставался при Ю. Евдокимове председателем областной думы.

[2] В Ивановской области региональную организацию ЛДПР возглавляет опытный политик С. Сироткин.

партии. По этому пути пошли два региональных лидера, пришедших к власти в 2000-е гг. и относящихся к новой формации губернаторов — выходцев из бизнеса. Это А. Каноков в Кабардино-Балкарии и А. Хлопонин в Красноярском крае. В обоих регионах «Справедливая Россия» шла на выборы при фактической поддержке властей. В Кабардино-Балкарии в число поддерживаемых властями партий изначально попала ЛДПР, в думской фракции которой в свое время состоял президент республики. В случае Красноярского края ставшая традиционной консенсусная политика А. Хлопонина также позволила включить ЛДПР в коалицию, однако эта политика не стала более распространяться на коммунистов, всегда имевших сильные позиции и занимавших крупные должности в краевом собрании. В случае Кабардино-Балкарии власти позволили КПРФ пройти в парламент, но не стали делиться с ней властью, как в республиках Северного Кавказа с более «мягкими» режимами и более высокой популярностью левых, доказанной в 1990-е гг. во время менее «управляемых» выборов (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Дагестан).

Особым примером трехпартийности до выборов 11 октября 2009 г. являлась Москва, где в легислатуре помимо «Единой России» и КПРФ была представлена фракция «Яблоко — Объединенные демократы». Все три фракции располагали определенными постами, что свидетельствует о гибкости персоналистского режима Ю. Лужкова в сравнении с большинством провинциальных режимов подобного типа, которые предпочли модель мажоритарного правления. Дело в том, что, подобно общероссийскому режиму, московский региональный режим имел внепартийное происхождение, и его лидер стремился играть роль лидера надпартийного. В 2000-е гг. многие региональные руководители «родом из 90-х» отошли от этой практики, за исключением некоторых наиболее самостоятельных, продолжавших поддерживать свой «надпартийный» статус. Примечательно, что после выборов 2009 г. в новой городской думе КПРФ получила пост вице-спикера (других партий там на этот раз не оказалось).

Остальные не рассмотренные нами режимы правления в региональных легислатурах являются полностью консенсусными и предполагают распределение постов между четырьмя, а в одном случае даже пятью партиями / фракциями. Отчасти это «столичные» режимы. Наряду с Москвой в этот список входит Санкт-Петербург, губернатор которого В. Матвиенко относится к числу немногих региональных руководителей, формально оставшихся вне партий. В «северной столице» «Единая Россия» не располагает абсолютным большинством, что делает консенсусную модель необходимой. Но при этом принято «мягкое» решение о распределении руководящих постов между всеми четырьмя фракциями. Те же четыре парламентские партии пред-

ставлены в руководящих структурах соседней Ленинградской области. Еще одним примером служит Томская область, где губернатор В. Кресс, еще один «долгожитель», правящий регионом с 1991 г., использует гораздо более «мягкие» тактики, чем, например, его коллега Л. Полежаев[1].

Обратим внимание на интересный казус: только два субъекта федерации — Санкт-Петербург и Ленинградская область — полностью идентичны «России в целом», т. е. только там в легислатуре представлены четыре парламентские партии федерального уровня и только там все они располагают руководящими должностями. В подавляющем большинстве регионов или представлено меньше партий, или не все представленные партии получают статусные должности. Иными словами, в централизованной системе отношений «центр — периферия», сложившейся в 2000-е гг., регионы разными способами ограничивали многопартийность, воспринимая свои действия как установку центра и не стремясь избежать «жестких» решений об исключении тех или иных партий из коалиционных игр.

Еще один пример четырехпартийности и «полного» консенсуса демонстрирует Дагестан, республика, в которой в силу крайней сложности этноклановой социально-политической структуры консенсусное правление является единственно возможным. Если в Адыгее и Карачаево-Черкесии отдельные партии из консенсуса исключены, то Дагестан служит «идеальным» примером стопроцентной инклюзии. Разница в том, что в Дагестане парламентскими партиями, помимо «Единой России», «Справедливой России» и КПРФ, стали «Патриоты России» (представляющие одну из групп местной элиты), а не непопулярная в республике ЛДПР. «Необычная» четырехпартийность отличает и Костромскую область, где правящую коалицию составляют «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и депутатская группа «Экономика и социальное партнерство».

Наконец, уникальным примером остается Ставропольский край, где на выборах 2007 г. победу одержала «Справедливая Россия». С того времени партия пережила расколы, лишилась своих лидеров, а часть депутатов перешла в «Единую Россию», получившую за счет этого большинство. Однако неустойчивый внутренний баланс не позволил сконцентрировать власть в руках только одной или ограниченного числа партий. Как результат, в этом регионе статусные позиции в легислатуре имеются у четырех парламентских партий и еще у «Правого дела» (депутаты, избранные от СПС).

[1] С оговоркой, что создать фракцию в томской областной легислатуре смогла только «Единая Россия», а остальные парламентские партии представлены просто отдельными депутатами.

Подводя итоги рассмотрению случаев консенсусного правления в региональных легислатурах, определим основные факторы, способствующие данному выбору. Как правило, речь идет о региональных режимах, отличающихся пониженной консолидацией, что более типично для тех субъектов федерации, где власть менялась особенно часто и нынешние региональные лидеры пришли к власти сравнительно недавно, многие — уже после перехода к назначению губернаторов.

Говоря о мажоритарном правлении, мы отмечали, что такие лидеры зачастую стремятся к ускоренной консолидации власти в рамках «Единой России», но не всегда это у них получается, и не всегда они готовы действовать столь жестко, не считаясь с ограничениями сложившейся многопартийной среды. К числу регионов, где выборы проводились при новых, назначенных В. Путиным или Д. Медведевым губернаторах, и где в тех или иных пределах воспроизводится модель консенсусного правления, относятся Архангельская, Ивановская, Калининградская области, Пермский край, Республика Алтай, Хакасия, а также три кавказские республики — Дагестан, Адыгея и Карачаево-Черкесия. Элементы консенсуса отличают и ряд регионов, где главы избирались в «последнюю волну» и не всегда с блестящими результатами, — Республику Коми, Брянскую и Астраханскую области. Губернаторское решение и выбор регионального руководства «Единой России» начинают зависеть как от ограничений в виде сложившихся партий и полицентрической элиты, так и от потребности в политическом маневрировании, определяемой личным управленческим опытом, склонностью к более гибким методам управления партийной системой.

В целом в большинстве случаев консенсусное правление возникает в случае неустойчивости губернаторской власти. Например, в ряде подобных регионов выборы проходили при прежних губернаторах, которым затем пришлось расстаться с властью (Воронежская, Псковская, Рязанская, Самарская, Тульская области, Ставропольский край). Неконсолидированной была элита и в Костромской области, когда ею управлял губернатор В. Шершунов (при нем прошли выборы в областную думу).

Но, с другой стороны, интересен и выбор, который делается в гораздо более устойчивых режимах, многие из которых сложились в 1990-е гг. Важными факторами оказываются партийная поляризация (история отношения губернатора с партиями и прежде всего с КПРФ в 1990-е гг.) и зависимость региона от центра (усиливающая стремление выполнять и перевыполнять его установки). Если поляризация традиционно слаба и если губернатор не ощущает необходимости отдавать всю власть «Единой России», чтобы «понравиться»

центру, то возможно использование «мягких» практик. Они остались более типичными для части персоналистских режимов, возникших в 1990-е гг., как например, в Москве. Санкт-Петербург является близким примером: хотя В. Матвиенко пришла к власти сравнительно недавно, ее политический стиль формировался в 1990-е гг. Аналогичными являются примеры властвования В. Кресса в Томской области (с 1991 г.), Р. Гениатулина в Забайкальском крае, ранее — Читинской области (с 1996 г.), В. Сердюкова в Ленинградской области (с 1998 г.). К ним позже примкнули «гибкие» и «прагматические» режимы В. Толоконского в Новосибирской области, Б. Громова в Московской области, О. Бетина в Тамбовской области, где действующие губернаторы избрались на рубеже 1999–2000 гг. Заметно, что в приведенном списке много крупных регионов, власти которых не склонны преувеличивать «кремлевские» установки и одновременно оказываются менее прямолинейными, более «продвинутыми» и технологичными, что на самом деле центр вполне устраивает[1].

Примеров участия всех наличествующих партий / фракций в управлении легислатурой немного, их всего 11. Это — Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ставропольский край, Дагестан, Астраханская, Калининградская, Костромская, Кемеровская, Новосибирская, Томская области. В остальных случаях речь идет о более или менее умелой и всеобъемлющей партийной инженерии, всегда предполагающей оттеснение от власти тех или иных партийных групп и игру с одними партиями против других (например, против КПРФ или реже — «Справедливой России»).

В связи с этим рассмотрим, какое влияние на выбор в пользу альянса с той или иной партией оказывают электоральные критерии. Наиболее ярко выраженной является связь с электоральным рейтингом КПРФ, которая, однако, не является линейной. Крайне редкими выглядят случаи, когда КПРФ получает статусные позиции в легислатуре, имея низкий рейтинг, что вполне понятно, учитывая, что в таком случае и число депутатов от этой партии оказывается минимальным. Но в случае высокого рейтинга КПРФ тоже обычно остается «за бортом». Очевидно это объясняется тактикой властей в условиях более сильной партийной поляризации, когда власти стремятся ограничить политическое влияние коммунистов, а те в свою очередь больше демонстрируют свою оппозиционность. Из 10 регионов, в которых КПРФ получила на региональных выборах более 20 % голосов, только во Владимирской и Новосибирской областях ей были предоставлены определенные должности в легислатуре[1]. Выделяется плотная группа регионов, в которой сосредоточено подавляющее большинство случаев, когда КПРФ включается в правящую коалицию. Это — средние показатели электорального влияния этой партии, эмпирически заключенные в пределах от 13,4 до 17,5 % (из 33 таких регионов в 18 КПРФ получила ту или иную властную должность). В этих регионах собственное влияние КПРФ недостаточно для ее стремления к полностью самостоятельной игре, что обусловливает склонность к компромиссам, а власти со своей стороны не считают коммунистов чрезмерно популярными и потому опасными.

Связь изучаемого явления с рейтингом «Справедливой России» имеет иной характер, обусловленный недавним появлением этой партии, ее крайне неравномерной региональной сетью и очень разным положением в элите. Эта связь, в отличие от случая КПРФ, положительно коррелирует с электоральным рейтингом. В целом альянсом со «Справедливой Россией» власти пренебрегают, если ее рейтинг низок. Обычно в этих случаях партийная организация слаба, губернатор не уделяет внимания ее формированию, а потому в ней и не нуждается. Из 16 регионов, где «Справедливая Россия» получила от 7 до 10 % голосов, только в Томской области ее «позвали» во власть[2] (кроме того, партия получила статусный пост в Кемеровской области, набрав 5,5 % голосов, но став второй необходимой по закону партией в легислатуре, что и предполагал сценарий, разработанный областными властями). Напротив, из четырех регионов, где она набрала более 20 % голосов, в трех во власти она представлена. Более точный анализ закономерности пока невозможен, поскольку во многих регионах фракция «Справедливой России» создавалась уже после выборов, в которых эта партия еще не участвовала, и потому нет возможности анализировать связи с ее электоральным рейтингом.

Для ЛДПР самым значимым фактором оказывается связь ее региональной организации с властями, а рейтинг такого большого значения не имеет. Впрочем, при слабости этой связи, распределение случаев больше напоминает КПРФ. Можно отметить, что в случае, если ЛДПР добивается самых больших результатов на выборах, власти ее склонны сдерживать, по аналогии с КПРФ. Условно пороговым для ЛДПР можно назвать показатель в 12,9 %. Из 10 регионов, где ЛДПР выступила лучше, только в Иркутской области ей достались места в

[1] Интересно, что консенсусное правление также воспроизведено в регионах, где губернаторами были назначены выходцы из команды Ю. Лужкова, — в Ивановской и Калининградской областях (но не в Нижегородской области).

[1] В число этих 10 регионов входит Ненецкий АО, по которому исследование не проводилось.

[2] В число этих 16 регионов входит Чечня, по которой исследование не проводилось.

руководстве легислатуры[1]. Во всех остальных случаях фракции крайне малы, и их привлечение в правящую коалицию становится результатом конъюнктурных договоренностей и общей политики губернатора в отношении партий. Чуть лучше для политического влияния ЛДПР ситуация, когда она получает от 10 % до 13 % голосов. Тогда с ней больше считаются и не видят в альянсе с ней какой-либо «опасности», т. е. риска, что партия выйдет из-под контроля.

Рассмотрим более общие закономерности между уровнем партийной конкуренции на выборах и моделью правления в легислатуре. С этой целью мы рассчитали эффективное число партий (по Х. Молинару) и поделили регионы на три группы. Минимальная партийная конкуренция признается нами в случае, если эффективное число партий (далее — ЭЧП) находится в пределах от 1 до 1,5 (т. е. фактически единственной эффективной партией является «Единая Россия»). Таких регионов оказалось 34. Средний уровень партийной конкуренции отличает регионы с ЭЧП от 1,5 до 3 (37 случаев). Высоким по российским меркам можно признать ЭЧП более 3 (12 регионов).

Крайним и единственным случаем монополизации власти в легислатуре в условиях высокой партийной конкуренции и низкого электорального рейтинга «Единой России» служит Кировская область. В Кировской областной думе действуют фракции всех четырех парламентских партий, а также группа «Независимые депутаты». Формирование подобной ситуации стало результатом решения об «искусственном» укреплении слабо консолидированного политического режима за счет формирования ядра в виде «Единой России». Интересно, что это не помогло губернатору Н. Шаклеину сохранить власть, и федеральный центр уже при Д. Медведеве отказался продлить его полномочия, назначив губернатором Н. Белых, бывшего руководителя СПС.

С другой стороны, примечательны ситуации, когда партийная конкуренция находится на очень низком уровне, но используются консенсусные модели. Такая «странная» ситуация характеризует целых 10 регионов. Впрочем, в ряде случаев партийный консенсус носит совершенно формальный характер, поскольку в коалиции участвует только «Справедливая Россия», совершенно лояльная региональной власти (Белгородская, Кемеровская области и Ямало-Ненецкий АО).

Зато очень важен уникальный случай Дагестана, где, несмотря на низкие рейтинги, к власти в легислатуре допущены все представленные в парламенте партии. В эту же группу попадают Кабардино-

[1] В число этих 10 регионов входит Ненецкий АО, по которому исследование не проводилось.

Балкария и Карачаево-Черкесия, но уже с оговорками, поскольку в коалицию входят не все партии (в Кабардино-Балкарии без КПРФ, в Карачаево-Черкесии без «Справедливой России» и «Патриотов России»). В двух случаях — в Амурской и Ивановской областях — на формирование коалиции явно повлияли обстоятельства досрочных выборов, проведенных по настоянию губернаторов, назначенных незадолго до этого и стремящихся сделать легислатуры более управляемыми. При этом губернаторы, хотя и делали ставку на «Единую Россию», из конъюнктурных соображений были готовы договориться с частью партий о своей поддержке и хотели избежать поляризации внутри легислатуры, обстоятельства избрания которой не были вполне корректными. В случае Забайкальского края формирование правящей коалиции явно отражает особенности одного из самых «мягких» в России региональных политических режимов, сложившегося при губернаторе Р. Гениатулине с 1996 г. Особняком находится и Хакасия, где особенности функционирования легислатуры определяет не только глава региона, но и бессменный спикер В. Штыгашев, долгое время не вступавший в ряды «Единой России» и склонный к консенсусной политике.

Таким образом, усиленное на этапе централизации власти стремление правящих групп к консолидации в различных регионах выражается в выборе между «мягкими» тактиками консенсусного правления и «жесткими» тактиками маргинализации оппозиционных групп. Во всех случаях при этом императив социально-политической стабильности, обеспечиваемой сложившимися или складывающимися властвующими элитами, обязательно предусматривающий стабильность положения элит, является ключевым, в отличие от императива развития демократии. Доминирование исполнительной власти в регионе, «Единой России» в партийной системе, титульной этнической бюрократии в этнополитических отношениях, элиты над широкими общественными слоями, центра над регионами и т. п., т. е. обязательное наличие доминантного игрока создает благоприятную институциональную среду для определенной формы стабилизации. Полноценная коалиция с равноправным партнерством, соответствующая демократическим правилам игры, остается полностью исключенной.

Афанасьев М. Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1. С. 121–126.

Бирюков С. В. Клиентела как модель политического порядка и политических изменений. М., 2009.

Гельман В. Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. № 4. С. 52–69.

Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М., 2000.
Даль Р. О демократии. М., 2000.
Зудин А. Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность, 2003. № 2. С. 67–83.
Лапина Н., Чирикова А. Регионы — лидеры: экономические акторы, структура власти, политическое и информационное пространство. М., 2002.
Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
Туровский Р. Ф. Региональные выборы в России: случай атипичной демократии // Технологии политики / Под ред. Б. И. Макаренко. М., 2006. С. 143–190.
Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009а. № 2. С. 77–95.
Туровский Р. Ф. Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // Полития. 2009б. № 2.
Центр политических технологий 2009. Федеральный центр и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы. URL: http://www.politcom.ru/7942.html (проверено: 14 августа 2009).
Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001.
Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007.
Bachrach P. and Baratz M. The Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. № 57 (December). P. 947–952.
Galtung J. The True Worlds. A Transnational Perspective. N.Y., 1980.
Hay C. Political Analysis. A Critical Introduction. Houndmills and N.Y., 2002.
Turovsky R. The Representation of Business Elites in Regional Politics: Etatism, Elitism and Clientelism // Federalism and Local Politics in Russia / Eds. by C. Ross, A. Campbell. L.; N.Y., 2008.
Turovsky R. The Liberal and The Authoritarian: How Different Are The Russian Regions? Paper to the Conference: The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia (Dundee, Great Britain: University of Dundee, 5–7 June 2009).

А. Е. ЧИРИКОВА

ВЛАСТЬ, ЭЛИТЫ И КРИЗИС: СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Российская элита сегодня: базовые тенденции 2000-х гг.

Путинская элита 2000-х гг., провозгласившая линию укрепления и формализации правил функционирования институтов власти, реально продвинулась в этом направлении весьма незначительно.

Что удалось сделать путинской элите за время своего правления на самом деле? Какие процессы происходили внутри нее и как они отразились на реальных политических действиях и потенциале влияния властных институтов?

Прежде всего элите времен Путина удалось «обуздать» бизнес-элиту и выстроить моноцентричную модель власти, благодаря которой политические процессы в России в значительной степени потеряли свою полисубъектность. Это сделало Россию более управляемой из центра, но и только. Хотя нельзя отрицать, что в 2008 г., год окончания президентства Путина, Россия вошла с восстановленной формальной государственностью, политической и социальной стабильностью, мощным нефтегазовым сектором, играющим важнейшую роль в международном разделении труда. Возникли формальные (правда до сих пор не наполненные реальным содержанием) механизмы разделения властей и другие политические институты, присущие современному демократическому обществу[1]. Однако ни одна из социальных реформ фактически не была доведена до конца. По оценке Евгения Гонтмахера, «социальные вызовы, стоявшие перед нашей страной к концу 90-х годов, сохранились и к настоящему моменту, переходя по наследству к третьему президенту России»[2].

[1] Макаренко Б. Возможна ли в России модернизация? // Pro et Contra. 2008. № 5–6. Сентябрь–декабрь. С. 33.

[2] http://www.gazeta.ru/politics/2008/02/26_a_2649315.shtml